

П. Бицилли) ценили поэтический дар К. «Грасский дневник» — наиболее известное произведение К.— опубликован в 1967 в Вашингтоне.

На страницах «Грасского дневника» встает образ его автора, тонко чувствующего, поэтически настроенного человека. Дневник дает возможность проследить в главных чертах становление молодого художника. Записи, размышления К. о работе над своими произведениями, авторское восприятие оценок и отзывов в лит. среде рисуют художника ищущего и требовательного к себе. Раздумья К. о прочитанных книгах (Гете, Г. Флобер, А. Франс, Л. Толстой, К. Гамсун, В. Ходасевич, З. Гиппиус, М. Алданов) свидетельствуют о высокой гуманитарной культуре К., эстетическом чутье и тонкости вкуса. Как некое открытие и потрясение воспринимает К. произведения М. Булгакова, В. Некрасова, В. Солоухина, Е. Носова.

Становление К. как поэта и прозаика проходило под сильнейшим воздействием Бунина. В «Грасском дневнике» К. записывает советы Бунина, «как надо бы писать дневник». Бунин считает, что дневник должен вбирать в себя полноту жизни и не ограничиваться фиксацией событий: «Надо кроме наблюдений о жизни записывать цвет листьев, воспоминание о какой-то полевой станции, где был в детстве, пришедший в голову рассказ, стихи... Такой дневник есть нечто вечное». Творческая позиция Бунина, склад его незаурядного таланта были внутренне близки К., заметившей в своем дневнике, что для писания, для творчества необходим «запас влюбленности в жизнь, что пишешь»; она хочет «радоваться жизнью», а не «карьерой»: «А я любила свет, великолепный снег, / Над аметистом моря гаснущее солнце / И капюшоны сосен величавых, / И кисти красные рябин, / И купола, плывущие в лазури».

Художник лирического мировосприятия, К. рисовала трогательные детали в воспоминаниях о детстве и юности в Киеве. Автобиографичен роман «Пролог», рассказы, «Грасский дневник». К. ощущает теснейшие связи всего со всем; ее перешагивающая судьба зависит от киевского детства, которое все время напоминает о себе: «Город дальнего детства, / Я слышу сквозь шум морей / Шелест ночного ветра / В ветвях твоих тополей».

18 июля 1941 К. делает в дневнике запись: «Чувствую детскую родную страну, вижу деревья, улицы, церкви Печерска, Липок, Крещатика и никогда мне они не были так пронзительно близки, как сейчас, когда решаются судьбы России».

Подлинным героем «Грасского дневника» является Бунин. К. стремится ничего не забыть, ничего не упустить из того, что она смогла наблюдать, слышать во время долголетней жизни рядом с Буниным. К. стремится как можно более точно закрепить на бумаге мысли Бунина, его оценки, точки зрения, передать через конкретные ситуации его отношение к окружающему миру и людям. В «Грасском дневнике» много фактического материала, который приоткрывает творческую лабораторию писателя («Жизнь Арсеньева»), передана напряженная психологическая атмосфера ожидания результатов присуждения Нобелевской премии, поездка в Стокгольм. Ни в одной строчке, посвященной Бунину, К. не изменил такт. «Грасский дневник» отличается глубокое содержание и подлинная простота повествования, соразмерность всех его частей и деликатность стиля. В 1952–53, живя в Америке, К. вместе с М. А. Степун занималась корректурой книг Бунина, издаваемых в Нью-Йорке («Жизнь Арсеньева», «Митина любовь»).

Лит. наследие К. не собрано. Изучение ее творчества в России — в будущем.

Соч.: [Стихи] // Вернуться в Россию стихами... Антология / сост. и автор предисл. В. Крейд. М., 1995. С. 281–283; Почувствовать свое предназначенье... и др. стихи // Лит-ра Русского зарубежья: Антология. М., 1991. Т. 2. С. 391–392; Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М., 1995.

Лит.: Вернуться в Россию стихами... Антология: [Биографическая справка] / сост. и автор предисл. В. Крейд. М., 1995. С. 635; Бабореко А. К. Галина Кузнецова // Кузнецова Г. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М., 1995; Памяти Бунина: Из воспоминаний / публ. А. К. Бабореко // Вопр. лит-ры и фольклора. Воронеж, 1972; Из «Грасского дневника» // ЛН. Т. 84. Кн. 2. М., 1973; Письма Г. Н. Кузнецовой к Н. П. Смирнову // Российский литературоведческий ж. 1993. № 2.

А. И. Филатова

КУЗОВЛЁВА Татьяна Витальевна [10.11. 1939, Москва] — поэт, переводчик.

Родилась в семье инженера («Детство мое прошло в большой коммунальной квартире, в основном населенной вдовами из „бывших“. Одна из них — Софья Николаевна Мантейфель, дочь расстрелянного царского полковника, — стала мне по сути второй матерью»). После окончания школы работала дежурной по выставке, экспедитором, младшим редактором технического изд-ва. Училась в Московском гос. педагогическом ин-те на

Т. В. Кузовлёва

историческом ф-те. Окончила Высшие лит. курсы при СП СССР. Первые публикации в «Комсомольской правде» и «Юности» (1959–60). Первый сб. стихов «**Волга**» рекомендован к печати IV Всесоюзным совещанием молодых писателей (1964) и вышел в том же году. К.— лауреат премии СП Москвы «Венец» (2000), главный редактор лит. ж. СП Москвы «Кольцо А» (с 1993).

Время вступления К., как и большинства ее сверстников-«шестидесятников», в лит-ру совпало с расцветом так называемой эстрадной поэзии. Однако ее голос не затерялся в общем хоре. «По тому, как поэты читают свои стихи, можно понять многое. Один — застенчивой скороговоркой, другой — упиваясь собой, третий — манерно завывая, четвертый — рубя строки, как дрова. Татьяна Кузовлева читает свои стихи, я бы сказала, благородно, читает, не „играя на аудиторию“, а строго и женственно, со сдержанным волнением, которое нет-нет да и прорвется то зазвеневшим голосом, то внезапно проступившей бледностью смуглых щек (Ю. Друнина). В стихах К. изначально присутствуют извечные темы женской лирики: «Прекрасно быть женщиной слабой: / Чтоб с твердой ладони мужской / Взлетать отрешенно и храбро / Над будничной суетой. / Прекрасно быть женщиной слабой; / Обиды почувствовав власть, / Наплакаться вволю хотя бы / И к тем же ладоням припасть». Но в отличие от мн. женских стихов, любовь в поэзии К. обычно взаимная, счастливая, что, однако,

отнодью не означает что взаимность всегда безоблачна: «Слова слетают наугад, / В них много кроется пустого. / Но прежде слов был только взгляд. / А разве с ним сравнится слово? / И в гулком космосе сперва, / Когда понять друг друга надо, / Мы забываем про слова / И взглядом сходимся со взглядом».

Для поэзии К. органична тема любви к Родине, чувство единения со своим народом, причастности к его судьбе. Именно это чувство причастности дает право на слова, далекие от стандартных славословий: «Откуда это все у нас в народе, / Как он сложился, этот странный ряд: / Жить в рабстве, рассуждая о свободе, / Вперед стремиться, а сползая назад. / Откуда это все: высоты духа / Там, где черта последняя видна, / И эта окаянная разруха, / В которой вечно маяется страна. / Откуда это: с рвением дотошным / Пить, заглушая совесть укор, / Звать будущее, тосковать о прошлом, / Не видеть настоящего в упор. / И по земле пройти временщиками, / Не замечая как гудит земля, / И на „авось“ надеяться веками, / И лгать себе: „во имя...“, „ради...“, „для...“». Но при всех мучительных вопросах, в который раз остающихся без ответа, неизменной остается любовь к родной земле: «Никому никогда не скажу / Это слово некстати и всуе. / Лишь березу и дом нарисую / И во ржи золотую межу... / Воздух в губы вольтется, дрожа, / Где-то вспыхнет звезда одиноко. / Я скажу: — Ах, как небо высоко! / Это Родина, — дрогнет душа».

С особой отчетливостью звучит в стихах К. тема Москвы («Москва, Москва, я дочь твоя, / Во мне века твои и камни»), но это не Москва официальная и парадная, а «Москва людей», «приговоренных к вечному соседству», город, который не только щедро одаривает своих обитателей исторической и культурной памятью, но и «требует жесткой дани» с каждого из них. Поэтесса чувствует себя горожанкой, прописанной «в каменной московской этажерке», «добытчицей в очередях, по будням — рабочей лошадкою», но надо всем этим глубокое убеждение, «что многократна жизнь, что смерть мгновенна, что совесть самый главный поводирь». В позднейших стих. К., как и у мн. ее сверстников, нравственные категории, нравственный императив все чаще связываются с религиозной традицией: «Господа Бога молю...», «„Господи, спаси ее“, — шепчу», «Этот груз, дарованный мне Богом...» И наряду с этим — горькое осознание: Бог вечен, но и «Хам бессмертен тоже».

Поэтическая книга К. «**Сквозь снег**» (1997) вобрала в себя произведения последних лет и лучшие стихи из прежних сб. Книга

свидетельствует, что поэтический язык К. мало изменялся с годами, поэтесса остается верной прежним ориентирам. В числе «эталонных» поэтических имен в ее стихах — имена Блока, Есенина, Пастернака, Корнилова, Луговского, Мартынова. И, конечно, Пушкин.

Стихи К. переводились на английский, немецкий, французский, итальянский и др. яз. мира. Со своей стороны К. также много занималась переводами, отдавая предпочтение женской поэзии, особенно казахской, публиковала в периодике лит. портреты казахских поэтов, статьи об их творчестве.

Соч.: Россия, береза, роса: стихи. М., 1965; Силуэт: стихи. М., 1970; Голос: стихи. Алма-Ата, 1970; Слог: стихи. М., 1973; Степная птица: стихи. Алма-Ата, 1977; Две зари: стихи. М., 1978; Тень яблони: стихи. М., 1979; Веретено: стихи. М., 1978; Избранное: стихи. М., 1985; Час жаворонка: стихи. М., 1986; Возраст женщины: стихи. М., 1987; Золовка из Верхней Грязнухи: семейная хроника // Дядя Ваня: альм. М., 1993, № 1(5); Свободное дыхание: стихи. М., 1994.

Переводы (отд. книги): Стихи казахских поэтесс: пер. с казахского. Алма-Ата, 1969; Абдрахманова Т. Ключ: пер. с казахского. М., 1976; Айтхожина М. Пора цветения: пер. с казахского. Алма-Ата, 1970; Горсть земли: пер. с казахского. М., 1974; Укрощение коня: пер. с казахского. М., 1985; Сафиева Г. Зеленая колыбель: пер. с таджикского. М., 1981; Пульс моей любви: пер. с таджикского. М., 1988; Огнепоклонница: пер. с таджикского. М., 1991.

Лит.: Друнина Ю. Только любовь не напрасна, только работа права... // Кузовлева Т. Избранное: стихи. М., 1985; Жирмунская Т. Цепочка горьких бус // Лит. газ. 1997. 12 нояб.; Казакова Р. Мы рождены, мы в мир пришли сквозь снег... // Книжное обозрение. 1998. № 3.

И. О. Фояков

КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА Елизавета Юрьевна (урожденная Пиленко, по второму браку — Скобцова, в монашестве — мать Мария; псевдонимы — Юрий Данилов, Ю. Д.) [8(20). 12.1891, Рига — 31.3.1945, Равенсбрюк] — поэтесса, прозаик, религиозный публицист.

Отец К.-К., юрист, товарищ прокурора Рижского окружного суда, в 1895 переехал с семьей в Анапу в свое небольшое имение, где занимался виноградарством; в 1905–06 был директором Никитского ботанического сада. После его смерти (1906) семья переселилась в Петербург, однако лето К.-К. всегда проводила в Анапе. В 1906–08 училась в гимназии Л. С. Таганцевой, в 1908–09 — в гимназии М. Н. Стоюниной. Уже в гимназические годы начала писать стихи.

В 1909–11 была слушательницей Высших женских (Бестужевских) курсов. В 1910 вышла замуж за юриста Д. В. Кузьмина-Караваева, знакомого с литераторами модернистской ориентации. К.-К. стала участницей «сред» на «башне» Вяч. Иванова, позже — членом акмеистского «Цеха поэтов», где и был издан ее первый стихотворный сб. **«Скифские черепки»** (1912). В нем за романтической поэтизацией легендарного прошлого угадывалось острое ощущение душевного кризиса, переживаемого совр. человеком. Дебют поэтессы был оценен критикой неоднозначно. По мнению В. Я. Брюсова, «сочетание воспоминаний о „предсуществовании“ в древней Скифии и впечатлений современности придает этим стихам особую остроту» (Русская мысль. 1912. № 7. С. 17). Н. С. Гумилев считал, что в книге «слишком много юношеского лиризма», игры метафорами, и отделял надуманную внешнюю фабулу — историю любви царевны-рабыни к своему господину — от «подлинно древних и странных строк пейзажа» (Аполлон. 1912. № 3–4. С. 101). С. М. Городецкий, отмечая как достоинство книги ее чуждость стилизации, в то же время сетовал на «отсутствие в ней стиля» (Речь. 1912. 30 апр.). Сдержанно оценил сб. и А. А. Блок (письмо от 1 дек. 1913 // СС. М., 1963. Т. 8. С. 430–431), который познакомился со стихами поэтессы еще до их публикации. С Блоком у К.-К. сло-

Е. Ю. Кузьмина-Караваева

жились особые, творчески-доверительные отношения, о чем она впоследствии рассказала в мемуарах **«Встречи с Блоком»** (1936) (А. Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2.). Личность поэта в восприятии К.-К. отразилась в образе главного героя ее неоконченной поэмы-мистерии **«Мельмот-скиталец»** (Памятники культуры. 1986. Л., 1987).

Вторая книга К.-К.— повесть **«Юрали»** (1915), написанная ритмической прозой и стилизованная в духе аллегоризма евангельских притч. Ее лейтмотив — тема духовного пути, предопределенного свыше. Поэтический сб. **«Руфь»** (1916) — книга уже зрелого автора, пережившего религиозный переворот. Начиная с этого сб. и до конца жизни К.-К. выступает как религиозный поэт, размышляя о трудном пути к Богу, о христианском долге и подвигническом служении.

В годы революции К.-К. жила в Анапе, некоторое время в Москве, занимаясь политической деятельностью: весной 1917 вступила в партию эсеров, после ее раскола примкнула к ее правому крылу, в 1918 была избрана городским головой Анапы, арестовывалась белогвардейцами за сотрудничество с большевиками. В 1920 вместе со своим вторым мужем, казачьим деятелем и писателем Д. Е. Скобцовым, эмигрировала в Константинополь, затем оказалась в Югославии, а с 1923 обосновалась в Париже. Несмотря на выпавшие на ее долю тяжкие лишения, она никогда не теряла присутствия духа и со свойственной ей энергией включилась в общественную и лит. жизнь русской эмиграции. В 1924–25 под псевдонимом Юрий Данилов вышли хроникально-автобиографические повести К.-К. **«Равнина русская»** и **«Клим Семенович Барынькин»**, повествующие о годах революции и Гражданской войны в России. В конце 1920-х сближается с русскими религиозными философами Н. О. Лосским, Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, участвует в создании Православного богословского ин-та в Париже, в деятельности РСХД, свои публицистические очерки о жизни эмиграции публикует в ж. «Путь», «Новый град» и др. В 1927 вышла книга К.-К. **«Жатва духа. Жития святых»** (Вып. 1–2, Париж), в 1929 — монографические очерки о А. С. Хомякове, Вл. С. Соловьеве и Ф. М. Достоевском, проникнутые пафосом религиозного служения. В конце 1920-х К.-К. фактически разошлась со своим вторым мужем. 16 марта 1932 в Париже К.-К. приняла монашество (православное) и имя Мария. Став «монахиней в миру», она неумолимо занималась благотворитель-

ной деятельностью. Противница религиозного аскетизма, она была глубоко убеждена, что «путь к Богу лежит через любовь к человеку, и другого пути нет...». Она продолжала писать стихи, христианские по содержанию: о жизни и смерти, о добре и зле, о современном человеке, переживающем свою богооставленность в «пустыне мира» (**Стихи**. Берлин, 1937). По словам критика К. В. Мочульского, ее стихи — «правдивое и бесстрашное свидетельство души о мире и о себе самой» (Путь. Париж, 1937. № 53. С. 86).

Во время фашистской оккупации Парижа К.-К. стала активной участницей движения Сопротивления: укрывала евреев, спасала бежавших советских военнопленных, отправляла посылки заключенным. В февр. 1943 была арестована гестапо и в апр. отправлена в концлагерь Равенсбрюк, где погибла в газовой камере, добровольно пойдя на смерть вместо одной из заключенных. Товарищи по заключению с неизменным восхищением и преклонением перед духовной стойкостью матери Марии вспоминали ее бескорыстную любовь к ближнему и высокую жертвенность.

Соч.: Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере Равенсбрюк. Париж, 1947; Стихи. Париж, 1949; Избранное / вступ. статья, сост. и прим. Н. В. Осьмакова. М., 1991; Наше время еще не разгадано... [сб.] / сост., предисл., прим. А. Н. Шустова. Томск, 1996.

Лит.: Тверитинова А. М. Форт Роменвиль. Л., 1960; Богат Е. ...Что движет солнце и светила. М., 1981; Максимова Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 522–542; Микулина Е. Н. Мать Мария. М., 1983; 2-е изд. М., 1988; Шустов А. Н. Блок в жизни и творчестве Кузьминой-Караваевой // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991.

Н. Ю. Грякалова

КУКЛИН Лев Валерианович [17.8.1931, Новозыбков, Брянской обл.— 22.6.2004, Петербург] — поэт, прозаик, драматург, кино-сценарист, публицист.

Отец (умер в блокаду, в 1942) и мать — геологи-полярники, что предопределило и выбор профессии К., окончившего (1954) Горный ин-т в Ленинграде и около 10 лет проработавшего геологом.

Первые публикации (стихи) — в пионерской печати. С публикации в сб. стихотворений школьников — учащихся студии лит. творчества Ленинградского Дворца пионеров «Первые стихи» (1947) К. не без оснований вел отсчет своего лит. стажа: романтические, еще не вполне самостоятельные строки

Л. В. Куклин

16-летнего старшеклассника были «сделаны» вполне профессионально.

Первый сб. стихов — **«Соседям по жизни»** (Л., 1958), как и последующие (**«Необходимость»**, 1961; **«Рудник радости»**, 1964) был пронизан типичной для тех лет «романтикой дальних дорог». Но для К. она не была данью моде, являлась по-настоящему органичной: большинство стихов было привезено им из экспедиций, посвящено «соседям по жизни», прежде всего коллегам-геологам — «чернорабочей интеллигенции», по меткому определению автора. Стихи К. тех лет звучат приподнято, подчас не лишены риторики («И пусть пионеры, играя зори / На наше равняются поколенья!», «Здесь вырастет город, как мы мечтали», «Только молодость, только руки, и четверть земного шара в руках!»), романтических преувеличений («Помнишь? Это на северной станции было: / Запоздав на полгода к нам почта пришла...»), что не мешало им пользоваться популярностью. Аудиторию, в особенности молодежную, привлекал самый пафос открытия мира («Проверенные походной судьбою, / Принеся на подошвах пыль полумира, / Наконец-то мы оба вернулись с тобою, / ты — с Чукотки, я — с Памира»), привлекали живые интонации, связанные с ними необычные ритмы стихов, броская афористичность, неожиданные образы, резко выделявшиеся на общем аскетическом фоне тогдашней поэзии: «Все перепуталось в этом просторе. / Не разберешь, где быть, а где сказка. / Художник

кисть окунает в море — / У него кончилась синяя краска... / (**«Утро на море»**). Эти и подобные строки создавали К. репутацию поэта остро оригинального, самобытного, даже экстравагантного. В любовной лирике К. умел тонко передать юношескую диалектику чувств, их максимализм и чистоту: «Она любила его так, / Что боялась ходить мимо. / Вслух она сказала: „Дурак!“, / А про себя: „Любимый!“ / Губами она сказала: „Пусти!“, / А сердцем: „Прижми сильнее!“ / Но он уехал. Он все простил / И не простился с нею...» В более поздних поэтических сб. (а всего К. издал более 50 книг стихов и прозы) усилилось тяготение к традиционным ритмам, к более спокойной повествовательности, но романтическое восприятие мира долго сохранялось, хотя и становилось все более сложным. Мн. стихи, как и прежде, рождались в поездках, но теперь это были поездки литератора-профессионала (циклы стихов об Англии, Франции, Японии, поэма о строительстве БАМа и т. д.). В произведениях последних лет все отчетливее звучат ноты тревоги за судьбы страны и мира, а подчас и разочарования в романтических идеалах и даже «катастрофизма». Характерны названия некоторых стих. из книги **«Сохранение огня»** (1994): **«У края пропасти»**, **«Плач по Родине»**, **«Плач по великому городу»**, **«Плач по былому величию русской земли»**. «Ты и Богом теперь не прикрыта, — / Все заступники, видно, слабы... / Сколько можно хлебать из корыта, / Из корыта полой судьбы?» — таким вопросом, обращенным к родной земле, завершается последняя подборка поэта, предложенная им в ж. «Нева» и увидевшая свет уже после смерти автора (2004. № 8). Неким противовесом этим мотивам выступают такие стихи, как **«Иван Андреич плотничает»**, **«Слово о русской печи»**, **«Провинция»**, **«Лен»**, цикл **«Вечные люди»** — о Пушкине, Бетховене, Чехове, Светлове. Надежда все-таки остается, она — в людях, тружениках и создателях, творящих и мыслящих: «Среди качков в спортивных пиджачках, / Среди путан, которых слишком много, / Мне так приятны девушки в очках... / Читают, видно, много... Слава Богу!»

Важной областью творчества К. явилось создание песен. За четверть века сотрудничества с композиторами им было написано более 250 произведений в этом жанре, в т. ч. такие популярные, как **«Голубые города»**, **«Качает, качает, качает...»**, **«Что у вас, ребята, в рюкзаках...»** и др. Песни К. получали отличия на всесоюзных и междуна-

родных конкурсах, переводились на мн. яз. Им выпущен также ряд поэтических книжек для детей.

Среди прозаических произведений К., обращенных в основном к юношеству, заслуживают быть отмеченными повести «**Порядок на борту**» (Л., 1975), «**Нам в сорок третьем выдали медали...**» (Аврора. 1985. № 5), «**Пара дуэльных пистолетов**» (Искорка. 1987. № 1–2), «**Любовь Оксаны Лунько**» (Семья и школа. 1991. № 5–6), сб. рассказов «**Динамитный патрон**» (1984). В книге «**Год лошади**» (СПб., 1999) собраны работы писателя в жанре фантастики.

Перу К. принадлежат сценарии нескольких худож. и документальных фильмов, наиболее известный — «**Его звали Роберт**» (в соавторстве с Ю. Принцевым, поставлен «Ленфильмом» в 1967), либретто опер и мюзиклов.

За годы работы в лит-ре К. опубликовал более 150 очерков (в т. ч. книгу очерков «Корабли начинаются с имени» — Л., 1982), критических и литературоведческих статей, среди которых выделяется работа о незаслуженно забытом В. Шершеневиче — «**...но ведь я поэт — чего ж вы ждали?**» (Вопр. лит-ры. 1991. № 9–10). Полемическая статья «**Гидропонная поэзия**», посвященная творчеству И. Бродского (Нева. 2001. № 1), вызвала негативную реакцию ряда литераторов — см., например, резкую отповедь А. Рубашкина (Ося, Иосиф, Иосиф Александрович... // Звезда. 2001. № 5).

К. выступал также как составитель ряда сб. и антологий, среди которых наиболее значительны «Кибернетический Пегас. Наука и фантастика в русской и советской поэзии» (Л., 1989), «XX век в эпиграммах от А до Я» (СПб., 2002), «Мысли в рассрочку» (Собрание афоризмов. Т. I) и «Мысли взаимы» (Собрание афоризмов. Т. II) (СПб., 2004).

Соч.: Какого цвета луг?: стихи. Л., 1967; Кто работает для вас?: песни. Л., 1967; Цирк зверей. Л., 1968; Зеленая планета: Новая книга стихов. Л., 1969; Антенна: Книга новых стихов. Л., 1970; Дядя Бим и дядя Бом: Веселые стихи для детей. Л., 1971; Дедушкин праздник: рассказ. Л., 1971; Кто сильней?: стихи. Л., 1971; Ни пуха, ни пера!: песни. Л., 1972; Имя-отчество: стихи. Л., 1974; Кто как одет? М., 1975; Зов: стихи. М., 1977; Я верю: Стихотворения, песни. Л., 1977; Путешествие по квартире: стихи. Л., 1977; Когда мы станем взрослыми: стихи. Л., 1979; Ромашки на кармашках: повесть. М., 1979; Горожане: Книга новых стихов. Л., 1980; Операция «Снег»: рассказы. Л., 1984; Моя анкета: Стихотворения разных лет. Л., 1984; Прямой взгляд: стихи. Л., 1986; Диалог: Стихотворения разных лет. Л., 1988; Несколько школьных «почему?»: Раздумья о воспитании.

Л., 1989; Автострада: Книга новых стихотворений. Л., 1991; Стружки лирики: стихи. СПб., 1997; Эпиграммы и шутки. СПб., 1997; Микроэпохаки: эпиграммы, иронизмы, шутки. СПб., 1999; Сочинения в трех томах: Т. I: Стихи конца века. Т. II: Мысли моего века. Т. III: Рассказы конца века. СПб., 2002.

Лит.: Куклин Лев Валерианович // Писатели Ленинграда: Биобиблиографический справочник. Л., 1982. С. 177; Фрадкина Е. Лев Многоликий // Нева. 1999. № 9. С. 233–235; Иордаке Э. Языковладелец // Нева. 2002. № 2. С. 212–217; Фоянгов И. Стихи конца века // Нева. 2004. № 2. С. 208–209; Никольский Б. Прощальное слово // Нева. 2004. № 8. С. 104.

И. О. Фоянгов

КУЛЬЧИЦКИЙ Михаил Валентинович [19.8.1919, Харьков — 19.1.1943; погиб под Сталинградом] — поэт.

В 1937–39 учился на филол. ф-те Харьковского ун-та, в 1939–42 — в Лит. ин-те им. М. Горького (семинар И. Сельвинского). В дек. 1942 окончил пулеметно-минометное училище и в звании младшего лейтенанта был отправлен на фронт.

Печататься К. начал рано, в 1935 первое его стих. было опубликовано в ж. «Пионер». Самой значительной прижизненной публикацией была поэма «**Самое такое**» (Октябрь. 1941. № 3). Поэзия К. проникнута пафосом революционной романтики, чувством боевой

М. В. Кульчицкий

тревоги, действенным отношением к жизни. Его любимые поэты — В. Маяковский, В. Хлебников, Б. Пастернак, Э. Багрицкий, И. Сельвинский. «Самое страшное в мире — / Это быть успокоенным», — считал он. Главные темы его стихов — героика революции и Гражданской войны, готовность к участию в новых боях за идеалы коммунизма. «Уже опять к границам сизым / Составы тайные идут, / И коммунизм опять так близок — / Как в девятнадцатом году», — писал поэт в поэме «Самое такое» накануне Великой Отечественной войны. «Самое такое» — это поэма о любви к новой России, преображенной революцией. За эту Россию К. отдал жизнь. Незадолго до смерти он узнал: «Война ж совсем не фейерверк, / А просто — трудная работа, / Когда — черна от пота — вверх / Скользит по пахоте пехота». Тема войны как тяжелой работы будет продолжена Б. Слуцким — другом К. еще с харьковских лет. В стих. «М. В. Кульчицкий» Слуцкий писал о друге: «Он знал одну награду: / В том, чтоб словами своего народа / Великое и новое назвать. / Есть кони для войны и для парада. / В литературе тоже есть породы. / Поэтому я думаю: не надо / Об этой смерти слишком горевать. / Я не жалею, что его убили. / Жалею, что его убили рано. / Не в третьей мировой, а во второй. / Рожденный пасть на скалы океана, / Он занесен континентальной пылью / И хмуро спит в своей глуши степной».

Соч.: Имена на поверке: Стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1963; Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне / предисл. А. Суркова; вступ. статья В. Кардина; сост., подгот. текста, биографические справки и прим. В. Кардина и И. Усок. М.; Л., 1965; Рубеж / вступ. статья Д. Ковалева «Правофланговый». М., 1973; Вместо счастья: стихотворения. Поэмы. Воспоминания о поэте / предисл. Е. Евтушенко. Харьков, 1991.

Лит.: Шатилов Н. Живой с живыми // Прапор. 1962. № 3; Левин Г. Была бы родина...: Из воспоминаний о М. Кульчицком // День поэзии. М., 1966; Турков А. Далекая весна // Известия. 1991. № 96. 23 апр.

М. Ф. Пьяных

КУМОВ Роман Петрович [21.11(3.12).1883 (по др. источникам — 21.11(3.12).1885; 25.12(7.12).1886), ст. Казанская Усть-Медведицкого округа Обл. Войска Донского — 20.2(5.3).1919, Новочеркасск] — прозаик, драматург.

Из донских казаков. Отец — почетный мировой судья, действительный статский советник. В 1889 семья переехала в станицу

Р. П. Кумов

Усть-Медведицкую (с 1933 — г. Серафимович Волгоградской обл.). К. учился в местном духовном училище (1894–99) и Новочеркасской (Донской) духовной семинарии (1899–1905), которую окончил по первому разряду со званием студента семинарии, и поступил на юридический ф-т Юрьевского (ныне Тартуский) ун-та. Через год перевелся на юридический ф-т Московского ун-та, откуда в 1910 был выпущен кандидатом прав. По свидетельству Ф. Д. Крюкова, К. всегда «с благодарностью вспоминал то хорошее, что дала ему» Москва и «ее университет, ее церковки, ее театры, литературные кружки...» (Донская волна. 1919. 3 марта. С. 2). Глубокий след в памяти К. оставил В. О. Ключевский, пробудивший в молодом писателе интерес к русской истории (см. рассказ «Пророчество» (Донская волна. 1919. 27 янв.), написанный на основе воспоминаний о знаменитом историке). Увлеченный этнографией и фольклором донского казачества, К. «усиленно собирал бытовые материалы, казачьи песни и легенды, остатки старины, впечатления на местах, для чего предпринимал специальные поездки в глухие уголки северных округов Дона» (Серапин С. [Пинус С. А.] Крюков и Кумов // Казачьи думы (София). 1922. 5 марта). После окончания ун-та К. вернулся в Усть-Медведицкую, где преимущественно и жил до 1918, бывая наездами в Москве и Петербурге. С осени 1911 служил присяжным поверенным в г. Сарапуле Вятской губ., куда приезжал раз в год. В Первую мировую вой-

ну (конец 1914 — начало 1915) был мобилизован и направлен на фронт санитаром.

Печататься начал «в младших классах семинарии в донских газетах и петербургских религиозно-философских ежемесячниках» (Автобиография. 12 июля 1913 // ИРЛИ. Ф. 377). Позднее сотрудничал во мн. ж. и газ.: «Отдых христианина» (1904–16), «Трезвая жизнь» (1905–14), «Известия Санкт-Петербургской епархии» (1906), «Слово» (здесь К. познакомился и близко сошелся с писателем И. Л. Леонтьевым-Щегловым, о котором позднее рассказывал в своих воспоминаниях «Подвижник слова» // Исторический вестник. 1913. № 12), «Жизнь для всех» (1910–18), «Светоч» (1910–12) и др. Оценивая отдельные рассказы К. («На родине», «Свадьба», «Учительница»), опубликованные в газ. «Слово», Д. Шестаков, наряду с влияниями (А. П. Чехов, Н. В. Гоголь), отмечал у автора «свой слог», «умение в скудном, на первый взгляд, психологическом сюжете развивать незаурядную по тонкости психологию», стремление «найти в серой обыденщине золотые руды истинно человеческой жизни» (Слово. 1907. 22 нояб.). Рассказ К. «В гостях у батюшки» (1907) рецензент «Церковно-общественной жизни» (1907. № 43. С. 1339–1342) относил к «числу лучших художественных произведений <...> о нашем духовенстве», в котором «с неподражаемым мастерством передана поэзия простой безыскусственной религиозной веры народной, схвачен колорит тихой сельской жизни, сосредоточившей около своей маленькой церковки все свои надежды и упования». Судьбе духовенства в годы назревавшего кризиса православия посвящены мн. рассказы первого сб. К. «Бессмертники» (1909, составлен А. П. Миртовым), которым он заявил о себе как о писателе духовно-религиозной ориентации. К. создает галерею «тихих подвижников» православной веры, искренно и самоотверженно служащих идее духовно-нравственного преображения жизни. Герои произведений К.— монах о. Всеволод («Цветы жизни», 1908), о. Георгий («Отец Георгий», 1906), о. Василий («Степной батюшка», 1907), о. Николай, учительница Сонечка («Учительница», 1907), казачка Маланья («В степи», 1909) — это люди, «нередко надломленные бурей жизни, страдающие, но черпающие силу в самих себе, в заветах Христа». К. считал, что «нет на свете ничего чудеснее, святее, трогательнее тоски по тому, что высоко-высоко, и зажечь другую душу огоньком этой тоски — это значит послужить <...> большому человеческому идеалу» (Смо-

ленский Н. Отголоски жизни и лит-ры // Отдых христианина. 1912. № 10. С. 745). В рассказах К. «много глубокой истинной поэзии и искреннего чувства,— писал рецензент «Нивы»,— и как доминирующая нота в них царит выстраданный и горячий порыв к небу, вечной истине и добру» (Нива: Ежемесячное лит. и популярно-науч. приложение. 1909. № 6. С. 299–300). Задумываясь над смыслом русской национально-исторической жизни, К. обращался к теме чуда как явления, органично связанного с церковью («Стояние», 1906; «Игумен Иосаф», 1907). «Только чудо спасет Россию, о чуде надо молиться»,— говорит о. Лев, герой рассказа «На родине». Образ церкви у К. сближен с образом донской степи («Наша степь полынная — это храм»,— писал К. В. Севскому [В. Краснушкину] 23 февр. 1916 // Донская волна. 1919. 3 марта). Степь, куда вынесено действие мн. рассказов К.,— Господня земля, освещенная светом Преображения. Ряд произведений, вошедших в сб. «Бессмертники», построен на материале раннехристианских преданий («Сказание о старце Зосиме и Марии из Египта», 1907; «Нилена из Рима», 1908). Создавая образы подвижников веры, К. нередко выбирал библейский сюжет, донское предание.

В 1913 выходит второй сб. рассказов К.— «В Татьянину ночь», посвященный памяти В. Ф. Комиссаржевской. Критика единодушно усматривала в книге известную зависимость К. от Чехова: «Автор весь во власти чеховских сумеречных настроений <...>, часто сбивается на мало занятный анекдот» (Кр<анихфельд> Вл. [Рец.] // Совр. мир. 1913. № 2. С. 144). В то же время рецензенты отмечали, что К. «умеет писать просто и кратко о страшной русской жизни, тому свидетелями рассказы «Песня», «Ученый», «Несчастье», «Проповедь» — настоящие темы азиатской нашей действительности» (3-в А. <Горький М.> [Рец.] // Современник. 1913. № 7. С. 372). Критик «Пути» (1913. № 3. С. 76) писал об «остроте подлинной жизни, которую автор рисует мягкими, грустными красками...» В. Поссе подчеркивал, что К. «улавливает огоньки бессмертные, зажигающиеся в обывательской жизни. Болезненно сжимается его сердце, когда гаснут эти огоньки от недостатка чистого воздуха» (Жизнь для всех. 1913. № 1. С. 206).

В 1915 в Петрограде вышло 2-е изд. (с измененным составом) сб. «В Татьянину ночь» под названием «Очерки и рассказы», доброжелательно встреченное критикой. Религиозно-философская проблематика в книге по-

лучила дальнейшую разработку. Пустоте и бессмысленности существования безрелигиозной интеллигенции, тупикам жизни» («Исторический сюжет», «Несчастье», оба — 1911) К. противопоставлял людей, вставших на путь истинно духовного подвижничества («Иван Ступин», 1909). О своеобразии творческой манеры К.-рассказчика близко знавший его донской литератор С. Пинус писал: «Кумов — романтик. Бытовое содержание его рассказов всегда погружено в проникновенный идеализм и куда-то зовущее раздумье и настроение. Идею, мечту, психологическую загадку, а не факт кладет К. в основу не только содержания, но и фабулы своих произведений» (Казачьи думы. София, 1922. 5 марта). Религиозно-философские проблемы К. решал и в драматургии. В 1916 появляется драма «Конец рода Коростомысловых» (1916; первоначальный вариант — «Голос крови», 1913). Во главу угла в ней поставлена проблема соотношения мирского и духовно-религиозного начал в земной жизни человека. Род Коростомысловых, к которому принадлежит главный герой пьесы — камский лесопромышленник Кузьма Коростомыслов, соединил в себе две борющиеся стихии: по мужской линии — широту, идущую от волжской разбойничьей удалой вольницы, предприимчивость и деловитость, по женской линии — устремленность к смирению, религиозному подвижничеству. Бунт Кузьмы против Бога (нарушил христианское «не убий») оборачивается смирением и признанием суда Всевышнего над собой. Конец рода Коростомысловых воспринимается как символ победы духа над капиталом и одновременно начало новой генерации людей, устремленных через покаяние к Богу. Среди др. драматургических опытов К. («Нилена из Рима» — мистерия в 5 картинах; «Дочь земли», обе — 1915) пьеса «Конец рода Коростомысловых» явилась большой творческой удачей К. На II конкурсе А. Н. Островского в 1916 она получила первую премию и была поставлена театрами Москвы и Петербурга. С момента появления сб. «В Татьянину ночь» дарование К. было замечено М. Горьким, который помогал ему как начинающему автору и привлек к сотрудничеству в ж. «Летопись», где увидели свет повести «Завещание» и «Малаша с Перекопских гор» (обе — 1917), свидетельствовавшие о стремительном росте мастерства донского писателя.

Примыкавший к лагерю донских демократов, К. с надеждой встретил Февральскую революцию, однако ожидания его вскоре сменились тревогой: «...Что-то и на Дону зло-

веще, как перед грозой <...>, если не будет Учредительного Собрания, всем нам, казакам, придется садиться на коней...» (Донская волна. 1917. 3 марта). Октябрьскую революцию К. не принял. В годы Гражданской войны на Дону он сотрудничал в белогвардейской прессе (преимущественно в ж. «Донская волна»). «Главной задачей моей теперешней работы,— писал К. В. Севскому в нояб. 1918,— пробудить и поддержать, насколько можно, во впадшем в смертное безразличие русском обществе дух веры в себя и в свои судьбы <...>, ибо я верю на самом деле глубоко в русский народ и в особый его жребий на земле несмотря ни на что» (Донская волна. 1919. № 10. С. 8). К. не был донским сепаратистом, выступал за идею «единой и неделимой России»: «Дон без Великороссии я не мыслю и не чувствую» (Там же. С. 8). Умер К. от тифа на больничной койке в Новочеркасске. По словам его друга Ф. Д. Крюкова, К. «работал скромно, бескорыстно», его «подвиг жизни совершался не на боевом поприще, а в бессонном уединении рабочей, заваленной бумагами комнате...» (Донская волна. 1919. 3 марта. С. 2). При погребении он был удостоен высоких воинских почестей Войскового Круга как национальный писатель Дона. Неизданными остались подготовленные К. к печати тома рассказов «Малаша с Перекопских гор», «Ясмень-трава», пьесы, роман «Пирамида» («Святая гора») о Гражданской войне на Дону; роман был закопан писателем в Усть-Медведицкой накануне захвата ее красными.

Соч.: Бессмертники. СПб., 1909; Греза и поэт: сказка. СПб., 1910; Цветы на стеклах: сказка. СПб., 1910; Святая ночь: весенний этюд. [СПб., 1910]; В Татьянину ночь. СПб., 1913; Очерки и рассказы. СПб., 1915; Лиза: рассказы. М., 1916; Конец рода Коростомысловых. Пг., 1916; Игумен Иосаф: Донское предание. Пг., 1917; Письма В. Севскому. 1916–1918 // Донская волна. 1919. № 10; История одной любви / публ., вступ. статья В. Н. Запезалова // Новый ж. СПб., 1997. № 4.

Лит.: Кумов в «Донской волне» // Донская волна. 1919. № 10; Крюков Ф. Р. Кумов // Донская волна. 1919. № 10; Сургучев И. Делающий имя стране // Донская волна. 1919. № 10; Севский В. Степной брат: Листки воспоминаний // Донская волна. 1919. № 10; Севский В. Кумов-писатель // Донская волна. 1919. № 11; Воротынский Д. Р. П. Кумов // Вольное казачество. Прага, 1931. № 75; Горький и советские писатели. Неизданная переписка. ЛН. Т. 70. М., 1963. С. 483; Шумов В. Свидетель правды // Лит. Россия. 1981. № 43. 23 окт. С. 24; Сатарова Л. Г. Донское казачество в прозе рубежа XIX–XX вв. М., 1992.

В. Н. Запезалов